

Светлана Алешина

Парящая в небесах

Часть сборника
Ошибка природы (сборник)

Александра

Светлана Алешина
Парящая в небесах

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Парящая в небесах / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Александра)

«...Подъехавший к дому джип разбавил холодный воздух тишины громкими звуками музыки. «Очередная бессмыслица, понятная только таким же безмозглым людям, – усмехнулся он. – «Если бросишь ты Муму...» Господи, и как они слушают этот бред? Впрочем, они и сами воплощение этого бреда!» Из джипа вылез парень. Короткая стрижка, ровные мускулы. Красивый парень. Но вот глаза у этого парня... Сейчас-то, в наступившей темноте, их не видать. Но он-то помнил. Он помнил их безжалостную сталь, холодную насмешку. Он помнил все... Поэтому дрожащими пальцами стиснул револьвер, проклиная себя за вот эту, накатившую так внезапно, волну страха и жалости. Ровный затылок. – До завтра, – махнул рукой парень. Джип отъехал, увозя с собой музыкальное сопровождение. Парень быстрыми шагами направился к дому. – Даже в этом я не могу тебе помочь, – грустно пробормотал человек с револьвером. – Даже в этом. Я не могу убивать. Не умею...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Светлана Алешина

Парящая в небесах

Глава 1

Все было довольно просто. До сегодняшнего дня. Потому что именно сегодня она позволила. Он долго слушал ее голос – то, что ему сообщалось, казалось неправильным, злым, гадким, – но в то же время осознавал, что она не может не сказать этого.

Все было закономерно.

Он долго ходил по комнате, пытаясь успокоиться, – ничего не выходило. Сердце готово было выскочить из груди, а в глаза будто кинули горсть песка.

Впрочем, бросили...

Отодвинув занавеску, он посмотрел в окно. Над городом сгустился туман, из которого, как в хичкоковском фильме, выплывали черные фигурки, напоминающие ему тараканов.

Фигурки двигались по мокрому асфальту, упрямые, сосредоточенные, уверенные на все сто процентов в правильности и необходимости этих движений.

Отныне он в этом уверен не был.

Если кто-то собирается изменить твою жизнь к худшему и ты знаешь, что исправить уже ничего нельзя, хотя бы опереди того, кто стремится это сделать.

Измени ее сам.

По крайней мере, ты сам обречешь себя на тернии. Пусть это называют гордыней – но ему такой ход по нраву...

* * *

– И получается вот такая штука – взгляни-ка сам, Андрей!

Я веером разбросала перед боссом результаты своих «творческих» изысканий.

Он просмотрел фотографии, медленно перебирая одну за другой, потом поднял на меня глаза и присвистнул.

– Ни-че-го себе! То есть господин Мещерский прав?

– Как видишь, – подтвердила я.

На фотографиях был высококачественный компромат. Борцы с наркотиками сами же и торговали ими. Если бы я захотела – я тут же подпортила бы господину Мещерскому его политическую карьеру.

– Ну? Что будем делать, Александра Сергеевна?

Ларчик откинулся на спинку стула и постукивал кончиком своего «Ронсона» по краю стола.

– Лариков, а зачем тебе этот «Ронсон»? – спросила я нежно. – Ты ведь не куришь...

– Это подарок, – ответил Лариков.

– От Мещерского, – кивнула я. – Продаетесь, милейший! За понюшку, можно так выразиться, табаку!

– Ага, продаюсь, – усмехнулся он. – Ну так делать-то что будем?

– А совесть тебе что подсказывает?

– Я же частный детектив, – развел он руками. – Когда отправляешься в частный сыск, о совести надо забыть.

– А я и не знала. Представь себе, не успела расстаться с этим атавизмом!

– То есть ты хочешь предложить мне подарить эти фотографии газетам?

– Нет, миленький! Газеты я не люблю, они все уже давно продаются и покупаются! Прокуратуре, солнышко! Мы этого вот замечательного юношу должны передать именно в их ведение!

– Слушай, наивная крошка, ты всерьез считаешь, что нас с тобой погладят потом по головке? – усмехнулся Лариков. – Завтра к ним придет Мещерский, ему с готовностью расскажут, кто презентовал в фонд прокуратуры вот эти фотографии, – да он и сам без труда догадается! А потом, Сашенька, наши с тобой красивые и молодые трупы обнаружат на городской свалке – еще одно нераскрытое дельце, не больше! Все остается на своих местах! Наш мальчик по-прежнему развлекается, успешно зашибая баксы, и все дружно делают вид, что нас с тобой на свете никогда не было!

– А ты не задумывался о карьере «мастера ужасов»? – улыбнулась я.

– А ты никогда не работала в прокуратуре, – напомнил он. – Ты сидела спокойно дома, изучая творчество Франсуа Вийона и старофранцузский язык. Твои глаза видят только светлые краски.

– За время общения с тобой, Ларчик, я начала различать и оттенки черного. Только я буду не я, если позволю этому типу остаться на воле!

– И каким же это образом? – хмыкнул Лариков.

– Повешу на него какое-нибудь убийство, – поделилась я своими далеко идущими планами. – Сфабрикую улики. Умело его подставлю! Посмотри на эту мразь – ты хочешь увидеть его вместе с папашей на «грандовом» политическом подиуме?

– А там все примерно такие, – махнул рукой на общество Лариков. – Так что парень этот один из многих, Саша. Не более того...

– Да не спорю, – отмахнулась я. – По сравнению с Баркашовым-то он просто лапушка. Воплощение невинности и христианских добродетелей...

– Я познакомлю тебя с одним человечком, Сашенька, – произнес Лариков после достаточно утомительного молчания. – Может быть, он просветит тебя в этом отношении... Тогда ты поймешь, что лучший выход для нас с тобой, девочка, отдать фотографии Мещерскому, и пускай со своим потомком сам разбирается. Так что в темпе создавай подробный отчет и не бери все это в голову.

Ладно... Не стану же я откровенно бунтовать!

Я обратила свой правдолюбивый взор на экран монитора. Немного потружусь, и мое досье будет готово.

«Мещерский Владислав Николаевич. Год рождения – 1972. Причина расследования – обращение отца. Подозрение в связях с группировкой «ТМ».

– Пакостная организация, – поморщилась я. – Слушай, ему что, делать нечего? У папочки денег куры не клюют, а он вползает в эту группу агрессивных дебилов и рэкетирует старушек, торгующих семечками. Малышу явно некуда приткнуться свои огромные силы!

– Власть, – коротко бросил Лариков. – Пацану хотелось доказать свою значимость!

– Да не пацан он, – ответила я. – Гаденыш. Мне он за пару суток тесного соседства показался хуже рвотного порошка!

– Сашка, я тебя уволю, – вздохнул Лариков. – Тебе надо работать не у меня. – Нет, именно у тебя. Поскольку я представляю светлое и совестливое начало.

– Спасибо. Я, значит, начало темное и бессовестное.

– Конечно. Иначе согласился бы со мной и посадил не только мальчугана, но и всю его компанию. А заодно с ними и папу. Потому как я подозреваю, что у папеньки нашего дружки не лучше. Постарше – может быть, но та же примерно фактура. Вот, сам погляди, экий красавчик!

Я ткнула пальцем в физиономию на фотографии. Владик Мещерский с этим типом обнимался. Судя по их радостным физиономиям, они были в восторге друг от друга!

А физиономия-то принадлежала личности весьма и весьма знаменитой! А именно – крутому малому, который пас «бандитствующее» стадо микрорайона Рабочий, известное тупой и малоосмысленной жестокостью. Меня бы и под пушками не загнали в этот достославный район вечером без пулемета.

– Какого черта он к нам обратился? – проворчала я.

– Чтобы прихватиться к выборам, – объяснил Лариков. – Понять, чего можно ожидать от противников. Поняла?

– Ох, а сколько он тут наговорил красивых речей! – возмутилась я. – »Спасите ребенка! Ребенок в дурном обществе!» А если взглянуть на этого вот «ребеночка» – в коленках дрожь появляется! Интересно, а «детские утреннички» для маленьких дружков своего сынишки он устраивает?

– Второй вариант. Он этого действительно не знал!

– А я не знаю, сколько будет дважды два, – хмыкнула я. – Если тебе так хочется!

– Сашка, работай, – попросил он. – И не лезь ты в политику, ради Христа! Ты еще слишком маленькая...

– Я в нее не лезу. Просто терпеть не могу вот этих ребят. И никакого желания отдавать им мое место под солнцем без боя не имею!

Ах, если бы я в тот момент знала, что за бои мне предстоят!

Может, отказалась бы от места под солнцем добровольно!

* * *

Владик Мещерский был, на мой взгляд, из той породы людей, от отсутствия которых человечество ничего бы не потеряло.

Хорошо откормленный, с румянцем во всю щечку. Одетый с иголки. Во взгляде его красивых очей явственно читалось чувство хорошо осознанного и взлелеянного превосходства над нами, серыми и недоразвитыми «лохами». Конечно, я могла понять это его заблуждение на свой счет. Если разобраться, большинство народонаселения внимало речам его папеньки с полным и неослабевающим восторгом, тогда как для мало-мальски сообразительного человеческого существа набор фраз, используемых в надлежащих речах, казался бы просто полной абракадаброй.

Но я если и испытывала некоторое недоумение, то скорее оно все-таки касалось именно его папахена и самого «дитяти». Поскольку, как бы ни сожалела я об умственных способностях тех, кто верил каждому слову из «проповедей», мне и в голову не пришло бы творить то, что творил Владинышка.

Два дня я наблюдала такие вещи, от которых меня тошнило, как от тухлой рыбы. Да и сам Владик с его «непроницаемым лицом» и ухмылкой, позаимствованной у Клинта Иствуда, казался мне существом низшего порядка. Куда более низшего, чем те, кого он почитал за «лохов».

Воспоминания явно собирались загнать меня в плохое настроение. А оно и так оставляло желать лучшего.

Моя мамочка, твердо решив, что я куда более самостоятельна, чем моя старшая сестрица, проживающая в столице в обществе мужа и хорошенькой дочки, отбыла в их направлении. Дом ждал меня абсолютно пустой и неприветливый, по этой причине я старалась бывать там еще реже – все равно за два лишних часа мне не заполнить его дыханием. Кроме того, это будет лишь мое собственное дыхание. А его я и так слышу, одиночества же практически не переношу.

По причине полного вакуума в жилище, где ты никому не нужен, родные пенаты нисколько меня не манили. Правда, надо кормить попугая, ведь и он, бедняга, так же обречен на одиночество, как и я.

Мысль о несчастной птице подействовала на меня как холодная вода утром.

«Та-ак... Берем себя в руки, засовываем обидки на старшую сестрицу подальше – вообще нет на свете человека, который бы не страдал от старших. Старшие сестры и братья пребывают в непоколебимой уверенности в том, что они родились закономерно, а остальные, после них, появились на свет случайно, как ошибки природы, и по этой причине не имеют права на существование. Психология почти как у Владика Мещерского».

– «... по этой причине можно заключить, что все подозрения в его адрес следует считать вполне обоснованными». Имена вписывать?

– Хватит фотографий, – сказал Лариков. – Пусть сам разбирается, он и так уже достал.

* * *

– Все, – выдохнула я счастливо. – Получите ваши «неоспоримые свидетельства», Андрей Петрович.

Положила ему на стол папку.

– Можешь идти, – кивнул он.

– Неохота, – пожала я плечами. – Знаешь, там такая пустыня. Впору подумать об отшельничестве всерьез!

– А попугай? – поднял он на меня глаза. – И Пенс опять же... Их тебе не хватает?

– Попугай разгуливает по клетке, оповещая мир о своей красоте. Как всегда. А Пенс молчит и свято уходит домой, стоит лишь часам пробить полночь. Как привидение наоборот...

Я вздохнула.

– Но все-таки пойду. Долг перед попугаем превыше всего.

– Завтра можешь поспать, – обрадовал меня Ларчик. – У тебя вид усталый. А с Мещерским я управлюсь сам.

Я кивнула, чмокнула его в щеку и начала собирать сумку.

– Может, тебе тоже съездить в Москву? – задумчиво спросил шеф.

– Это еще за каким чертом? – спросила я.

– Развеяться!

– Думаю, тебя посетила идиотская идея. Во-первых, у меня там начинается комплекс неполноценности – поскольку мне сразу кажется, что я глупенькая девчонка из провинции. У меня ведь такого важного лица, как у Владика Мещерского, вовек не получится. А во-вторых, что ты тут без меня делать будешь?

– Ладно, малышка! Время, знаешь ли, движется. Стрелки стучат. Будет и на твоей улице праздник!

– Не верится, – вздохнула я. – Ладно, босс, кончай сеанс жалости! А то и впрямь начну чувствовать себя самой несчастной на свете...

* * *

Когда я открыла дверь, телефон надрывался, пытаюсь соперничать с несчастным попугаем. Не успев даже снять ботинки, я схватила трубку.

– Сашка? – услышала бодрый голос своей сестрицы. – Мама просила передать, что все нормально. Не шлейся по ночам и перестань пахать на этого своего Ларикова. Мне кажется, он использует тебя почему зря... А денег платит мало!

– Так ему и передам. Может, он тебя послушается, – пробурчала я. – А где, собственно, сама маман?

– Дай ты ей от себя передохнуть, – взвилась моя сестрица.

Я набрала побольше воздуха и несколько раз пробормотала: «Господи, помилуй». После того как моя ярость улеглась, выдохнула:

– Даю.

После чего резко повесила трубку.

Потом поставила чайник и набрала номер Пенса. Он как будто дожидался моего звонка и сразу поднял трубку.

– Аллю?

– Пенс, я стражду, – пожаловалась я ему. – Почему все считают меня неполноценным существом?

– Я не считаю, – сразу заверил Пенс.

– Так приходи, – попросила я. – Иначе закомплексую. Мне срочно нужно услышать что-нибудь лестное о собственной персоне.

После этого повесила трубку и уже сделала было шаг в сторону кухни, как телефонный звонок вновь разорвал тишину.

– Да, – вздохнув, проговорила я.

– Нас прервали, – холодно сказала моя сестрица. – Что там у тебя за настроение?

– Ты мне мешаешь, – сообщила я ей. – Я успешно предавалась разврату в мамочкино отсутствие. У меня тут трое любовников – сплошная групповуха. Позвони часа в три ночи – может быть, я устану и смогу обсудить с тобой всю подлость натуры моего босса. Хотя не могу понять, чем он тебе досадил.

Я снова повесила трубку – надоест же ей когда-нибудь звонить? Но, немного подумав, выдернула телефонный шнур из розетки. Для верности.

Только так я могла предаться своим, пусть и немного грустным, размышлениям.

* * *

– Такая дурная вся эта история, Пенс, ты б только знал! – пожаловалась я, когда он возник на пороге.

Я так была ему рада, что мне хотелось запрыгать вокруг него, как ребенок вокруг рождественской елки. Не хватало лишь украсить его красненькими шарами, право слово!

До его прихода мысли мои уныло топтались вокруг этой безобразной истории с Мещерским, да еще и одиночество действовало совсем не так, как обычно.

Вообще-то я к одиночеству отношусь благосклонно – можно курить на кухне и прекратить все эти бездарные уборки. Но с другой стороны – сидишь какое-то время с чашкой кофе, наслаждаешься покоем, и тут начинают приходить ОНИ. Эти вот самые мысли.

И отвлечь тебя некому.

А мысли заставляют тебя подчиниться им – все дальше, и больше, и глубже засаживая в омут.

Мысли для думающего человека – все равно что наркота. Через некоторое время ты уже находишь даже определенный кайф в плохом настроении. А плохое это настроение привели с собой все те же мысли. И вызвано оно тем, что ты только что столкнулся с преступлением – тщательно скрытым, но твоя задача не раскрывать это преступление, а напротив – тщательно заретушировать, придав ему благообразный вид, и выдать за благородное деяние. За подвиг во имя Родины, черт бы не видел этих Мещерских...

– Вот пусть он и забирает их себе, – вслух изрекла я недоброе благопожелание и улыбнулась Пенсу, который стоял в дверях, пытаюсь понять, к чему это я, собственно...

– Кого? – осторожно переспросил он.

– А, – отмахнулась я. – Неважно. Если я стану сейчас тебе рассказывать, снова погружусь. А мне надоело. Все равно исправить ничего я не смогу. Лариков сказал, что, если бы мне довелось поработать в прокуратуре, я была бы куда более смиреннее и терпимей. Но я – детектив кустарный, поэтому «пепел Клааса» стучит в мое сердце и жаждет справедливости.

– Это тебе здорово мешает напоить меня кофе? – спросил он. – А то кофе ужасно хочется, а дома у меня только этот паршивый «Традициональ».

– Напою, конечно, – успокоила я его. – Использую свою огнедышащую энергию для кипячения воды.

– Лучше уж на газу, – вздохнул он. – Мне твою энергию жалко!

* * *

Уже через несколько минут мне стало хорошо. Я даже немного развеселилась.

Загадочная все-таки личность мой Пенс! По натуре он человек молчаливый и спокойный, как танк. А окажешься в его компании – и тебе легко и весело. Как будто до встречи с ним ты был сдувшимся воздушным шариком и ужасно грустил по этому поводу, а теперь вот появился Пенс и запустил тебя прямо в облака!

Уф, ну и сравнение получилось! Я представила себя парящей в небесах и рассмеялась. Ну и какое же облако меня выдержит?

– Так что там за история-то?

– Обычная, – ответила я на его вопрос. – Два ужасно неприятных типа. Один по мере сил рвется во главу угла, то бишь страны. При этом, насколько мне известно, весьма и весьма нечистоплотный типчик. Но мерзость его просто меркнет, когда знакомишься с его отпрыском. Вот уж парень что надо!

Меня передернуло.

– Отвращение во плоти! Набор подлостей, которые он ежедневно совершает, уже лишил его места на небесах. Это при том, что он наш с тобой ровесник. Ума не приложу, сколько гадостей он натворит еще за свою долгую жизнь!

– И почему это так расстраивает тебя? В мире полно подобных людей!

– Я с ними, по счастью, не встречаюсь. А встретишься с этим конкретным типом и теперь должна смиренно все компроматы отдать его папеньке, дабы тот смог покрыть преступления сынишки и спокойно занять свое уютное креслице в Думе.

– А тебе этого совершенно не хочется, – без особого труда догадался Пенс.

– Еще как, – вздохнула я. – Ты и представить себе не можешь, до какой степени мне этого не хочется!

– А что думает Андрей?

– Он думает, что я маленькая и наивная девочка, которая непременно решила «растаять под огнем пулемета». Все ведь на первый взгляд очень просто – я отдаю сделанные снимки в газету. И тип-топ! Мальчик за двое суток успел так нарисоваться, что папуля может навсегда забыть о «высокопоставленном» кресле! Но вот Ларчик считает, что это самоубийство!

– Из-за папы?

– О нет! Сейчас я тебя удивлю, Пенс! Не из-за папы!

Я помолчала, выдерживая эффектную паузу, и зловеще сообщила:

– Из-за самого этого сынишки. Потому что, милый ты мой Пенсик, сынишка круче своего паханчика раз в сто! Потому что, представь себе, это – уже законченный убийца, осталось всего полшага, чтобы он стал им физически! Если...

За окном кружились снежинки. Сегодня, говорят, был метеоритный дождь. Наверное, это было очень красиво. Только я не видела метеоритных дождей. Волей бога я вообще гораздо чаще наблюдаю уродство, нежели красоту.

– Если он уже не совершил его, – закончила я свою мысль. – Просто мы пока не знаем об этом.

Глава 2

Он ждал.

«Мне необходимо это сделать. Ты слышишь? Все это – неправильно, неверно, но как я могу это объяснить тебе, если твой путь начат?»

Стиснув кулаки, он стоял в тени дома. Там, в маленьком прогале между деревьями и этой стеной, его фигурка была невидна. Но кому она вообще видна – его фигурка? Именно – фигурка. Маленькая. Щуплая. Несуразная и невзрачная.

Привычным жестом он поправил очки. Чертовы окуляры в самый неподходящий момент норовили сползти на кончик носа.

Слишком привычный жест. Из прошлой жизни. Рождающий воспоминания, делающие новое существование еще более паршивым.

Подъехавший к дому джип разбавил холодный воздух тишины громкими звуками музыки. «Очередная бессмыслица, понятная только таким же безмозглым людям, – усмехнулся он. – «Если бросишь ты Муму...» Господи, и как они слушают этот бред? Впрочем, они и сами воплощение этого бреда!»

Из джипа вылез парень. Короткая стрижка, ровные мускулы. Красивый парень. Но вот глаза у этого парня... Сейчас-то, в наступившей темноте, их не видать. Но он-то помнил. Он помнил их безжалостную сталь, холодную насмешку. Он помнил все...

Поэтому дрожащими пальцами стиснул револьвер, проклиная себя за вот эту, накатившую так внезапно, волну страха и жалости.

Ровный затылок.

– До завтра, – махнул рукой парень.

Джип отъехал, увозя с собой музыкальное сопровождение.

Парень быстрыми шагами направился к дому.

– Даже в этом я не могу тебе помочь, – грустно пробормотал человек с револьвером. – Даже в этом. Я не могу убивать. Не умею...

* * *

– Вот и создается ощущение, что имеешь дело с полной безнадегой, – вздохнула я.

– Почему? Кажется, именно ты учила меня, что признать ситуацию безнадежной можно только в случае смерти.

– Хорошо, – кивнула я. Поднявшись, подошла к своей сумке и достала оттуда пленку. Видно-то было плохо, но я протянула ее Пенсу.

– Снимки остались у Ларикова. Поэтому на славные деяния героического отпрыска посмотри так.

Он включил настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть.

– Сейчас я лишь умножаю твою печаль, – грустно сказала я. – Поскольку от такого вот знания ее у тебя уж точно не станет меньше! Он просмотрел пленку совершенно спокойно и вернул мне ее.

– Ну и что? – спросил Пенс. – Ты хочешь сказать, что впервые столкнулась с «бритоголовыми»? По-моему, никто, кроме полных идиотов, не считает их «славными ребятами».

– Просто мерзко...

– Понятное дело. Очень даже мерзко. До тошноты.

– Да и не в этом дело. А в том, что Лариков запретил мне ввязываться. Ну сам посмотри этот кадр... Налицо состав преступления. Фактически рэкет, причем рэкет у слабого. Нищая,

больная ДЦП. У нее отбирают деньги, при этом вот на этом снимке видно, как ее еще и бьют ногой. Бьет этот Владик, лично. Вокруг народ делает вид, что ничего не происходит. Потому как боится.

– А ты, конечно, вылезла?

– Конечно, – грустно согласилась я. – И не смогла снять следующий кадр – прямую угрозу в мой адрес. И знаешь, что мне сказали?

– Подожди, – нахмурился Пенс. – Ты что, имела такую вот дикую глупость – не просто встряла, но и нарисовалась?

– Ну неужели же я откажусь от удовольствия врезать этой скотине по роже?

– А Лариков знает?

– Не-а.

– Они тебя запомнили?

– Надеюсь, – самодовольно улыбнулась я.

– Сашка, ты понимаешь, что ты наделала?

Пенс смотрел на меня с откровенным ужасом.

– А что? – невинно так отвечаю. – Дала подлецу оплеуху, когда все молчали. Не могу же я равнодушно взирать, как на моих глазах обижают слабое существо!

– Они же могли тебя убить!

– Может, и убьют. Потому что...

Я замолчала. У Пенса на лице был такой ужас, что дальнейший мой рассказ скорее всего заставил бы его грохнуться в обморок.

Дело же в том, что один из этой «милой компании» был моим одноклассником. И прекрасно знал, где я живу. Кто я.

А так как в школе мы с ним откровенно ненавидели друг друга, поскольку для него я была «мерзкой хиппушкой», не думаю, что он не сообщил другу по партии мои координаты.

– Почему?

Пенс не сводил с меня глаз.

– Да ничего. Просто так, – попробовала я уйти от откровенности.

– Са-шка! Они же полные уроды! У меня только одна надежда, что они не знают, где ты живешь! О господи, Сашка, ты еще к тому же совершенно одна сейчас!

Пенс выглядел напуганным и растерянным.

– Да перестань ты, – поморщилась я. – У меня и так уши позакладывало от твоего крика. Если голос у тебя громкий, иди на эстраду.

– Ага, она выкидывает фортели, за которые можно поплатиться жизнью, а я должен молчать!

– Да не буду я платиться жизнью, успокойся! И не из таких ситуаций выкручивались! И потом – ты хорошо себе это представляешь? Я что, должна была стоять и наблюдать, как он издевается над людьми? Прости, Пенс, но так не могу! Ты же знаешь, что у меня действие опережает мысль! Поэтому я, как всегда, подчинилась первому порыву. И мне даже не страшно, в отличие от тебя!

Хотя мне-то на самом деле было страшно. Еще как. Только вот виду показывать абсолютно не хотелось.

* * *

Мне и не надо было рассказывать, как я влипла. Не маленькая, понимаю.

А Пенс все продолжал свирепо вращать глазами и предсказывать мне мое будущее, как вконец обезумевшая Кассандра. Я даже начала подозревать его в остром приступе человеконенавистничества – такие мрачные перспективы он живописал мне! Возможно, я бы и не обра-

тила на это особого внимания, но все, увы, касалось меня. Поэтому внимала ему с благоговейным ужасом, как он того и ждал.

– Ну, и что я должна была делать? – спросила я, когда он кончил разворачивать перед моим мысленным взором всю картину «радужных» перспектив.

– Не знаю, – честно признался Пенс. – Наверное, и сам бы точно так же сглупил!

– Вот-вот. Мне кажется, твои возмущенные вопли не имеют права на существование. Лучше придумай, как с этим быть.

– А ты уверена, что он тебя узнал?

– На все сто.

Я усмехнулась. Видел бы он свою довольную физиономию! У Нещадова в тот момент во взгляде было столько обещанного, что любое сердце забилося бы бешено, не то что мое, женское!

– Это еще ни о чем не говорит! Нещадов может промолчать, – с надеждой в голосе произнес Пенс.

У меня таких надежд не было, но я промолчала.

В конце концов, зачем волновать людей? Судя по поведению Пенса, у него и так с нервами не все в порядке.

* * *

Явно озадаченный сверх меры Пенс сидел на кухне, не собираясь покидать выбранный «плацдарм».

Я посмотрела на часы. Стрелки приближались к половине первого ночи, и если Пенс думал, что бессонное бдение входит в мои планы, то он жестоко ошибался.

– Пенс, – протянула я. – Времени уже знаешь сколько?

– Ну? – спросил он.

– Так тебе вроде бы домой пора, – намекнула я.

– Ты что, считаешь, я оставлю тебя одну? Зная, что Нещадов может нагрянуть в любую минуту?

– Он уже спит сладким сном, твой идиотский Нещадов, – сказала я. – И думать про меня забыл... У него и без того есть о чем помечтать. А вот что подумает про нас с тобой моя соседка, куда интереснее! Она, в отличие от Нещадова, по моим наблюдениям, вообще думает исключительно обо мне, сообщая о своих наблюдениях маме. И мне абсолютно не нужно, чтобы ты в ее глазах размножился, а маме по приезду сообщили, что я падшая женщина и в ее отсутствие ко мне ходили ночевать гусарские полки!

Пенс посмотрел на меня взглядом просительным и нежным, но я сделала вид, что у меня каменное сердце, и он, вздохнув, поднялся.

– Ладно, может, ты и права. Вряд ли этот козел потащится к тебе ночью. Но на всякий случай не открывай дверь! – Что ты, милый, открою дверь каждому, кто захочет посетить меня глубокой ночью! – улыбнулась я. – Судя по всему, ты считаешь меня полной идиоткой, способной на такой подвиг!

Он глянул в мою сторону с сомнением. Наверное, у него все-таки были настойчивые опасения по поводу моей психики. Потом, все-таки решив, что я еще не в критическом состоянии, поцеловал меня в щеку и ушел.

Я осталась одна...

* * *

Знаете, какой это, оказывается, кайф – сидеть ночью на кухне с чашкой чая и сигаретой и смотреть в окно? По радио передавали Колтрейна. Его музыка вполне отвечала моему нынешнему состоянию безмятежного покоя!

Ура покою!

Иногда его можно достигнуть не сном, а вот таким расслабленным распиванием чая ночью, под тихий джаз, в полном одиночестве.

Мерзкие физиономии Мещерского со товарищи отошли на второй план. В конце концов, я сдала свой отчет и больше всю эту «гвардию агрессивных дебилов» не увижу. Разве что в страшных снах!

От разлитой в воздухе расслабляющей неги хотелось зажмуриться и полностью отдаться пофигизму. Сон начал побеждать меня раньше, чем я осознала это и приготовилась к сопротивлению.

– Ну и ладно, – сказала себе. – Что ж мне теперь, вообще отказаться от сна? Завтра тоже будет день. И, к моему великому сожалению, рабочий.

Встала, потянулась и поплелась в сторону кровати.

Разобрав ее, залезла под теплое одеяло и начала уплывать в сонное пространство – легко и спокойно, как невинное дитя.

Последнее, о чем я еще успела подумать, было то, что Нещадов как помнился мне идиотом, так им и остался, только теперь стал он каким-то печальным идиотом.

Во всяком случае, радостный кретинизм, который пер из него в школе, куда-то испарился.

– Надо же, – сонно-удивленно пробормотала я. – Жизнь ломает даже нещадовых... В их глазах появляется тень разума или печали. Впрочем, умножающий знание всегда умножает печаль... А может, печаль в его глазах совсем не от знания, а просто оттого, что денег не хватает?

Так и не разобравшись в этом сложнейшем вопросе, я погрузилась в сон.

* * *

Сны у меня бывают разные. То совсем непонятные, а то бывают и пророческие. Только я никак не могу разобраться сразу, какой сон прост, а какой с умыслом, поэтому на всякий случай запоминаю все.

Впрочем, вынуждена признать, что практика эта не срабатывает.

В данный момент мне снилась совершенная чушь.

Я была одета в костюм пейзажки и ангельским голоском распевала известную песенку «Мой миленький дружок – любезный пастушок!». Вид при этом у меня был невинный и трогательный до тошноты. А в роли неверного «пастушка», не соизволившего прийти «плясать», представьте, выступал Нещадов! При этом Нещадов почему-то не нарядился в костюм пастушка, а гнусавил свою партию в тривиальной одежде киллера, правда, при этом к его черной шапочке был присобачен красный бантик, который, как я заподозрила, Нещадов просто-напросто сохранил с первомайской демонстрации. Поэтому, проснувшись, я совершенно спокойно рассудила, что сон сей достоин скорого забвения, поскольку вызван, очевидно, исключительно назойливым присутствием в моих вечерних раздумьях негленного нещадовского образа.

Посему я предпочла забыть его и не забивать голову ненужной информацией.

За окном вовсю шпарило солнце. Люди тем не менее шли быстро, пряча носы, как кошки, из чего я заключила, что, увы, наступили неизбежные морозы.

Выловив из кучи барахла в шкафу теплый свитер, я натянула его и отправилась на кухню, потому что перенести наступление следующего рабочего дня без кофе была не в состоянии. Я еще просто-напросто не проснулась.

И как раз в тот момент, когда я, исполненная радостных предчувствий, налила кофе себе в чашку, в дверь позвонили.

– Черт!

Сомнений в том, что уж наверняка это не Пенс, у меня не было. Пенс звонит спокойно и уверенно. Этот же трезвон совсем не в его характере... Если, конечно, за Пенсом не гонятся стаи нещадовых с револьверами. Впрочем, он и тогда хранил бы спокойствие, поскольку, по моим личным наблюдениям, вывести Пенса из равновесия удавалось только одному человеку на свете. Не стану из ложной скромности умалчивать, кто этот человек. Конечно, Александра Сергеевна Данич, дай ей господь счастья, здоровья и прочих маленьких радостей!

Итак, в мою дверь звонил некто мне неизвестный, судя по звонку, чрезвычайно взволнованный, и делал он это в семь часов утра.

Я подошла к двери и посмотрела в «глазок». Там ни черта видно не было, как будто его закрыли пальцем.

– Та-а-ак, – протянула я. Открывать дверь мне резко расхотелось. Если человек закрывает пальцем «глазок», следовательно, он не хочет, чтобы его увидели. Поэтому вполне можно и не открывать. Не горю желанием видеть его...

Отошла от двери. Звонки меня нервировали, но я молча терпела. Даже выпила еще глоток кофе. Но любопытство победило.

Я осторожно подошла к двери, накинула цепочку и открыла.

Увидев на пороге Нещадова собственной персоной, я всхлипнула от мимолетного страха и попыталась закрыть дверь. Но хитрый Нещадов мне этого не дал, вставив в щель ногу.

– Саш, – неожиданно беспомощным голосом попросил он. – Открой, а? Мне помощь нужна твоя.

– Ну и говори оттуда. А то твои дружки выйдут из-за спины, и меня начнет тошнить.

– Я один, честное слово! – вскричал несчастный Нещадов. – И в такой заднице, что и не знаю, как оттуда выбраться!

Что-то в его глазах заставило меня поверить ему. Забыв при этом все наставления Пенса быть предельно осторожной, я вздохнула, сняла цепочку и открыла дверь. – Входи, – пригласила его жестом. – Чего ж теперь делать!..

* * *

Он вошел, напоминая мне калику переходящего из старого фильма. Так же вертел кепочку в руках и озирался с видом столь же благоговейным, сколь и тупым.

– Кофе будешь? – осведомилась я, заставив его вздрогнуть.

– А? – захлопал он на меня своими короткими ресницами.

– Кофе?

– Ага, – кивнул без промедления.

«Почти такой же немногословный, как Пенс», – отметила я. Правда, у Пенса это связано с постоянными мыслительными процессами, именуемыми «задумчивостью», и тем, что он всю сознательную жизнь общался со мной, а Нещадов просто был «тормозом» по жизни.

Я налила ему кофе, который он осушил одним глотком, и спросила:

– Ну? Что там у тебя за беда? Проблемы со старофранцузским?

Абсолютно не отреагировав на мою иронию, он вздохнул так тяжело, что я поняла, сколь многого ему стоило переступить через самого себя, чтоб обратиться ко мне.

– Сестра у меня, – произнес он.

- Я знаю. Но ничем помочь не могу – она была прежде тебя, а убить ее я не смогу.
- Она в затруднении, – снова доступно объяснил Нещадов.
- Опять же ничем не могу помочь. Обратись к гинекологу.
- Да не в том затруднении! – поморщившись, отмахнулся он. – Там полный кошмар! А

ты у нас детектив...

Я чуть не подавилась кофе. Вытаращившись на Нещадова, тихо спросила:

– И откуда ж такие сведения?

– Ленка Балькова сказала, – объяснил он столь быстрое распространение сведений о моей «тайной» жизни. – В общем, Сашка, я тебе заплачу. Сколько ты там берешь за час?

Я поперхнулась.

– Ты путаешь, Нещадов. Я не в той области работаю, где оплата почасовая. У нас сутки. И работаю в основном не я, а некий Андрей Петрович Лариков. Вот с ним тебе и надо встретиться, поскольку без его распоряжений я существо несамостоятельное. Так что, если ничего против не имеешь, именно к нему и отправимся. Если у твоей сестры действительно настолько серьезные проблемы, что ты не можешь их решить сам, без помощи детективного агентства.

– Ее могут убить, – мрачно проговорил Нещадов. – Во всяком случае, она вляпалась именно в такую историю, где этим все кончается.

Ого! Если Нещадов нашел в себе силы выговорить столь длинную фразу, дело и впрямь серьезное!

Я поднялась и скомандовала:

– Пошли. Расскажешь по дороге... А то мой босс терпеть не может, когда я опаздываю.

Глава 3

Разгуливать по улицам с Нещадовым – то еще развлечение. Ну, представьте себе сами такого быка на выгуле – крутолобый парнишка, идет, глядя на окружающих как на потенциальных врагов, вынашивающих коварные планы, а вслед за этим чудным образцом «гомо гоблинус» семеню я! Прямо скажем, подходили мы друг другу не очень. Неэстетичная из нас получалась парочка!

Он двигался быстро, рассекая пространство, как ледокол, и мне на ум сразу приходили какие-то мрачные сравнения типа «и под пятой его трещали черепа».

Уж не знаю, как черепа окружающих, но мой очень скоро начал трещать от холода, поскольку впопыхах и без материнского присмотра девушка оделась чрезвычайно легко. Особенно это касалось головы, поскольку на нее я нахлобучила легкомысленный берет и теперь ощущала себя замерзающим пингвином.

Нещадов задумчиво прищурился и решительным жестом сорвал с меня берет.

– Что ты... – начала я возмущенную речь, но он столь же хладнокровно стащил с себя специфическую шапку и водрузил ее мне на голову, пробурчав:

– Все потеплее будет...

Я буркнула:

– Спасибо.

Хотя, если честно, особого восторга от того, что теперь мой вид совершенно не вяжется с традиционным представлением о молодой и интеллигентной даме, я не испытывала. Зато ушам сразу стало тепло, и я ощутила к Нещадову застенчивое чувство благодарности.

Наконец мы добрались до лариковского обиталища.

– Это ж дом жилой! – недоуменно протянул Нещадов.

– И что теперь? – возмутилась я. – А наш офис расположен в квартире! И, смею тебя заверить, это даже удобно!

Не знаю уж, почему я так возмущалась. Мне и самой не слишком нравилось, что все у нас не как у приличных детективов. Но из глубокого антинещадовского настроения выбраться мне не удавалось. Потому что никак не могла забыть, в какой компании я имела честь лицедреть его...

Чертовы «скины». Они же «хейды»!

То, что сейчас рядом со мной торчит один из них, совершенно не грело мою душу. Есть разряд людей, которых она на дух не переносит рядом с собой. И Нещадов...

Я взглянула на него украдкой. Глаза парня были сейчас печальными и озабоченными. И тем не менее Нещадов был из тех людей, которых напрочь отказывается воспринимать моя капризная душа!

* * *

Открыв дверь, я поняла, что конца моим испытаниям не предвидится. Похоже, на меня за что-то прогневались небеса!

Из комнаты доносился ровный и настойчивый голос господина Мещерского.

– О нет, – прошептала я. – Только не это!

Может же мое терпение иметь границы? Вынести их двоих!

В щелку мне было видно плечо Мещерского и его профиль. Вернее, самую выдающуюся часть одного – довольно внушительный нос.

– Вот такие дела, господин Мещерский. Думаю, дальше уже вам решать, что можно с этим всем поделать!

Лариков говорил, как всегда, умело-бесстрастно. Кажется, зря я не сходила поучиться в его любимую прокуратуру – чему-чему, а выдержке там обучают по высшему разряду!

Мещерский помолчал, нервно теребя уголок пакета с фотографиями. Отсюда были неплохо видны круглые пальцы с аккуратно обработанными ногтями.

– Это кто? – шепотом спросил Нещадов, пытаясь рассмотреть нашего «высокого гостя» через мое плечо. С этой целью он вытягивал свою короткую и толстую шею, отчего приобретал сходство с разжиревшим страусом.

– Конь в пальто, – хмыкнула я. – А может, и без пальто. Мы не выдаем инкогнито наших посетителей. Пошли в комнату.

Но он уже узнал его. И переменился в лице.

– Ни черта себе, – озадаченно молвил Нещадов. – Только вот этого хмыря мне и не хватало. Чего он тут делает?

«Можно подумать, что моя жизнь без этих двоих была пуста и омерзительна», – подумала я и, собрав все свои силы, втощила Нещадова в комнату, закрыв дверь.

– Даже если ты его и увидел, это не повод орать на всю вселенную, – строго предупредила Нещадова. – Не порть реноме фирмы, к которой ты сам обратился за помощью! Понятно?

– Понятно, – кивнул Нещадов, но по его нахмуренному лбу я поняла, что мысль сия пока еще находится на полдороге к самому сознанию.

– Так что пока там они секретничают, можешь начинать рассказ о горькой судьбе твоей сестры, – развела я руками. – Может, трагизм ситуации всего лишь плод твоей фантазии, тогда я выполню миссию психоаналитика и отправлю тебя домой распивать чай. Или пиво.

– Нет, Сашка, если бы не знать, что Людка вляпалась по первое число, я тебя не беспокоил бы, – помотал он головой. – Там такая история, что и не знаю, как у вас получится в ней разобраться!

* * *

Я пошла за электрическим чайником, помаячив в дверях, дабы обратить на себя внимание босса.

Лариков окинул меня мечтательным взглядом и едва уловимым жестом указал на Мещерского. Я кивнула в ответ и жестом же ответила, что искренне сочувствую, но в соседней комнате меня ждут. Лариков удивленно вскинул правую бровь, я пожала плечами – наш молчаливый обмен новостями прошел быстро и незаметно.

Соревнуясь в бесшумности с Каспером-призраком, я скользнула на кухню, забрала банку с кофе, чайник и вернулась к моему однокласснику, скорбно озиравшему стену, украшенную ненавистным ему Бергером из фильма Формана «Волосы». В отличие от меня, Нещадов к Бергеру никакой симпатии не испытывал, поскольку Бергер был любим более прогрессивной частью юного человечества.

– Ты, Данич, по-прежнему длинноволосыми обезьянами увлекаешься? – спросил он.

От обиды за Бергера я сцепила зубы, но сдержалась. В конце концов, последнее увлечение Ларикова побуждало его обучать меня терпимости. «Надо жалеть людей, – внушал мне шеф. – Особенно несчастны те, кто считает свою собственную истину конечной и не терпит возражений».

Кроме того, жалеть Нещадова куда спокойнее, чем препираться с ним. Бергер бы его простил, будь он жив.

– Ты по делу ведь явился, Нещадов? По делу... Так что давай не будем вести комсомольские диспуты, почему Саша Данич не хочет быть такой же, как все. Слава богу, школа успела

уже даже растаять в моей памяти. Не станем вспоминать тот страшный сон, хотя ты для меня просто посланник из ада, если честно.

– Да ладно тебе, – пробормотал этот тип, едва закончилась моя гневная речь. – Я ведь не хотел тебя обидеть... А что у вас этот тип делает?

– Какой?

– Отец Владика?

– По делу, – ответила сухо я. – И не будем вдаваться в подробности. Каждый человек имеет право хранить свою личную жизнь в тайне...

– Ну да, – понимающе кивнул головой Нещадов. – Пришел полюбопытствовать относительно путей-дорог своей любовницы. Не совпадает ли маршрут ее передвижений с Владиком, так?

Мысль о любовнице показалась мне занимательной, но я выразительно поглядела на Нещадова и ласково посоветовала ему все-таки заняться собственной проблемой.

Тем более что пришел он ко мне все-таки не из-за неприятностей господина Мещерского. Кажется, у него и свои заморочки были? Или я ошибаюсь?

– Да не знаю, с чего начать, – развел он руками. – Вот думаю – скажу тебе, а ты не пове-ришь. Подумаешь, что разыгрываю.

– Знаешь, Нещадов, я так ни за что не подумаю, – заверила его. – Для того чтобы разыг-рывать, нужно чувство юмора. А ты и юмор – вещи несовместимые, насколько я успела уразу-меть за время общения с тобой.

Прикусила губу. Зря не удержалась от совершенно необязательной язвительности!

Но Нещадов мой выпад не заметил. Наоборот.

– История совершенно дикая, Саша. Поэтому, если ты мне веришь...

Он крикнул и опять беспомощно уставился в окно.

– Я вообще, когда тебя увидел, решил, что бог тебя послал! Потому что самому мне не разобраться с этим! Надо же, думаю, утром случилось, а в полдень и Сашка появилась!

– Нещадов, – остановила его я. – Прелюдии о провидении и личном вмешательстве гос-пода в твои дела оставим на потом. Поскольку мне все-таки безусловно интересно, что у вас там такое стряслось?

– Мертвец, – прошептал Нещадов, тараща глаза, полные ужаса. – Мертвец у Люськи в ванной. Вот что стряслось...

* * *

После столь ошеломляющего сообщения он вскочил и начал нервно расхаживать по ком-нате, размахивая руками, как ветряная мельница. Хорошо еще, что они у него были короткие. А то всенепременно заехал бы мне по носу!

А то, что он только что сообщил, было и так достаточно ошеломительным.

– То есть в ванной у твоей сестрицы ты обнаружил труп? Я тебя правильно поняла? – переспросила, поскольку уж больно ситуация получалась нестандартная. Нет, может быть, для вас это в порядке вещей, но меня пока господь от таких казусов хранил, за что я ему вполне благодарна!

– Ну да! Только не я! Сама Люська. Потом она позвонила мне, я и прискакал. Сначала подумал, что у Люськи просто крыша поехала. Или она решила так нестандартно пошутить, с утра пораньше.

Я усмехнулась. Конечно, нещадовская сестрица была особой, на мой взгляд, нестандарт-ной, но уж шутить подобным образом не стала бы ни за какие коврижки!

– Короче, поехал туда. Приезжаю, заваливаюсь в ее комнату, разъяренный, и вижу ее. То есть я рот-то открыл, но больше ничего и не сказал. Потому что она была такая белая, как

стена в сортире, и тушь по щекам размазана. А еще трясло ее! Она всхлипнула и, не говоря ни слова, потащила меня в ванную... Ну, тут я его и увидел...

Он замолчал, нервно поглаживая внушительной ладонью коротко стриженный затылок.

– Ох, Сашка, страшный такой!

И снова замолчал после этой многозначительной фразы.

– И кто он такой?

– В том-то и дело! Не знаю, кто он! Я его не знаю! И Люська тоже не знает! Более того, ни она, ни я понятия не имеем, как он мог там оказаться!

– Чего? – не поверила я своим ушам. – Как это так? Он валяется у твоей сестры в ванне, а вы меня пытаетесь уверить, что понятия не имеете, кто это и откуда он у вас появился?

– Именно, – беспомощно развел он руками. – Я этого мужика вообще никогда не видел! В жизни! И Люська уверяет, что тоже никогда не видела!

– Тогда почему он избрал местом упокоения именно вашу ванну? – резонно спросила я.

– Он не выбирал, – мрачно объявил Нещадов. – Место за него выбрали.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Что его...

Он снова умолк, вскинув на меня свои утопленные в складочках глазки, беспомощно развел руками и закончил мрачным шепотом:

– Его, Саш, убили. Убитый он там лежит, понимаешь?..

* * *

За окном сияло солнце, освещая первый снег, наконец-то покрывший землю более-менее основательно. За окном шла нормальная жизнь, и вряд ли большинство людей, идущих по своим мирным делам, сталкивались с трупами неизвестных в собственной ванной.

Я очень внимательно посмотрела в нещадовские глаза, пытаюсь понять, насколько он серьезен – нет ли вообще розыгрыша в его словах?

Он смотрел озадаченно, и в глубине его глаз таился страх – перед необъяснимостью происшествия.

– Та-а-ак, – протянула я, сдаваясь перед очевидностью факта. – Тебе придется рассказать мне все в подробностях.

– А поехать ты не можешь? – робко попросил Нещадов.

– Куда? В милицию?

– Зачем? К Люське...

Я вытаращилась на него с ужасом.

– Ты что, хочешь сказать, что он все еще там? И вы не обратились в милицию?

Он молчал.

– Ты не позвонил ментам? – переспросила я. – Вы в своем уме?

– Они ж Люську обвинят, – слабо запротестовал он. – Ты что, не понимаешь?

– Вы психи. Теперь вас точно обвинят. Сколько он там плавает, в этой вашей ванне?

– Не знаю. Нашли утром.

– Каким утром? Вчера? Позавчера? Год назад?

– Сегодня.

– Уф, – с облегчением выдохнула я. – Еще не смертельно, по счастью. И чего ты от меня хочешь? Чтобы я его спрятала? Если мысль про милицию тебе так отвратительна!

– Нет, – мотнул он головой. – Просто посмотри на него. И проведи расследование.

Я понимала, что спорить с ним безнадежно. В принципе, люди серьезно думают, что сыщику достаточно взглянуть разок и он сразу все поймет. Кто убил, кого убили, почему это

сделали! Главное – логика. Но большинство преступлений лишены логики. Они абсурдны. А сыщик не волшебник...

– Ладно, поехали, – решила я наглость.

И почему я всегда легко решаюсь именно на глупости?

* * *

Из лариковского кабинета все еще доносились голоса. Беседа с Мещерским продолжалась. Мещерский, кажется, имел наглость жаловаться на жизнь и вечную нехватку средств.

– Пожертвовать ему, что ли? – пробурчала я, внедряя ногу в ботинок. – Не могу слышать такие речи. Сердце сжимается от жалости!

Сначала Нещадов не понял моего юмора, поскольку сообщил мне радостно, что у Мещерских с наличностью куда лучше, чем у нас обоих вместе взятых. Но, когда я ответила на это, что дело не в наличности, а в потребностях, которые растут параллельно с наличностью и умудряются обгонять рост последней, он сделал жалкую попытку рассмеяться.

– А ты босса своего предупреждать не будешь?

Я задумалась. Конечно, надо бы предупредить... Но ведь скорее всего он будет крайне недоволен и даже попытается запретить мне сей любопытный экскурс, а мне уже интересно!

– Потом позвоню, если будет нужен, – опрометчиво решила я. – Как я понимаю, надо спешить. Твоя сестра уже, наверное, устала сидеть в обществе безвестного трупа одна. Все-таки не самое это приятное общество на свете!

– Это верно, – вздохнув, согласился со мной Нещадов.

Мы вышли из спокойного офиса и отправились бог знает куда, навстречу бог знает каким приключениям.

* * *

Довольно быстро мы добрались до дома, где жила нещадовская сестрица.

Дом был старый. Единственный плюс состоял в том, что он все-таки находился в непосредственной близости от набережной и Волги, поэтому, если продрасться сквозь шеренгу мусорных контейнеров, из которых отвратительно пахло гнилью, можно насладиться свежим речным воздухом и чудным видом.

Квартира находилась на третьем этаже среднего подъезда. То бишь располагалась как раз посередине этого полуразвалившегося здания.

Мы поднялись по ступенькам деревянной лестницы – я такие уже сто лет не видела! Остановились перед дверью с кожаной обивкой. Дверь смотрелась довольно нахально – скромные обшарпанные двери соседей вокруг нее выглядели бедными родственницами.

Нещадов позвонил.

– Кто? – раздался испуганный голос.

– Люся, это я. Открой, – проговорил Нещадов.

Дверь скрипнула и открылась.

Из темноты коридора выступила фигурка женщины с обезумевшими глазами. Женщина простонала:

– Я больше не могу, не могу, не могу!

С этими словами она упала в нещадовские объятия.

* * *

– Люська, ну ты чо? – ласково забормотал Нещадов. – Я вот детектива привел... Все хорошо будет, вот увидишь. Ну, Люська...

Она вняла его мольбам и подняла на меня глаза.

– Это вот она детектив? – удивилась Люська.

– Помощник, – поправила я. – Но это, наверное, не самая важная вещь на свете!

Пока Люська рассматривала меня с оттенком легкого недоверия, я рассматривала квартиру.

Типичная старая квартира. Длиннющий и темный коридор, как у Грина, вел в «никуда». Если какими-то нехитрыми путями сюда и проникал свет, то он быстро таял в темноте, сдаваясь без особого сопротивления.

Люська, видимо, очень доверяла своему братцу, поскольку все-таки смирилась с моей кандидатурой на роль следователя и щелкнула выключателем.

– Вон там ванная, – кивнула она в глубь этой бесконечности. – И там этот тип... Господи! И как только он тут оказался?

Я прошла к дверям ванной и потянула на себя дверь. Она оказалась ужасно тяжелой и открылась не сразу.

– Черт побери, – вырвалось у меня, когда зрелище предстало моим глазам.

К горлу волной подкатила тошнота. Повинуясь первому порыву, я отшатнулась и закрыла глаза.

Но надо было взять себя в руки.

– Спокойно, Саша, это Дубровский, поэтому все у нас будет хорошо...

Открыв глаза, я встретила с безмятежным взглядом мертвых темных глаз. Казалось, он ухмыляется, забавляясь нашей неадекватной реакцией на его присутствие в этой ванной.

Честно говоря, я на его месте отнеслась бы к факту собственной смерти немного серьезнее!

Глава 4

Тело, лежащее передо мной в ванне в весьма вальяжной позе, принадлежало обнаженному мужчине лет сорока пяти. Густые волосы темно-каштанового цвета были коротко подстрижены, и по тонкому запаху, исходящему от них, можно предположить, что незадолго перед своей кончиной в чужой ванной он посетил парикмахерскую. Аромат свидетельствовал, что весьма хорошую и дорогую парикмахерскую. Кроме того, судя по его холеным рукам и немного презрительной складке возле губ, несчастный в недалеком прошлом относился к счастливым обладателям крупного капитала. Губы его были полными и чувственными, что явно указывало на склонность к плотским развлечениям. На переносице темнело пятно.

Он был застрелен. И застрелен скорее всего из дамского револьвера – маленького и изящного.

В целом я бы могла уже составить картину преступления – если бы не одно «но».

Предположим, что этот человек просто снял какую-то особу женского пола, пошел принимать ванну перед сеансом здорового секса, но тут явилась она и по совершенно неведомым мне причинам нажала на курок изящным пальчиком.

Но...

Какого черта они оказались тут – у нещадовской сестрицы, которая совершенно не подходила на роль любовницы этого холеного «труса»? Может быть, мои впечатления о его сестрице немного скоропалительны, но мне она показалась похожей на встрепанную курицу, только что снятую с насеста и весьма этим недовольную!

Я внимательно осмотрела ванную комнату. Старая, с обшарпанными стенами. Окно чрезвычайно узенькое – вряд ли у неведомого убийцы была возможность протаскать сюда труп. Туда и грудного ребенка не втащишь! А дяденька, лежащий в ванне с улыбкой снисходительной вежливости, относился к людям довольно крупной комплекции. Так что вероятность того, что некто затащил его в форточку, была, простите за каламбур, абсолютно невероятной.

Значит, они пришли через дверь, и остается только узнать у Люси Нещадовой, не давала ли она кому-то ключей от своей квартиры?

Я вышла в темный коридор и осмотрелась. Судя по пробивающейся из-под двери полоски света, Нещадовы находились именно там. Я решительно направилась к ним, но на половине дороги остановилась и еще раз осмотрелась.

Вторая дверь была тщательно закупорена. Судя по всему, здесь еще недавно кто-то жил. Квартира еще не так давно соответствовала гордому званию коммуналки.

Подойдя поближе, я потрогала ручку.

Нет, там была только пыль. Судя по всему, эту дверь не открывали уже давно.

Я разочарованно присвистнула и вернулась в комнату, где прятались от сложностей жизни брат и сестра Нещадовы.

* * *

Они сидели, приблизившись друг к другу почти вплотную, и молчали. Рука Нещадова обнимала плечи сестрицы – он успокаивал ее.

На меня они посмотрели с надеждой и страхом.

– Ну? – почти неслышно спросил Нещадов.

Я пожала плечами и достала сигарету. Люся неодобрительно покосилась на меня, но решила сдержаться.

– Я вынуждена вас огорчить, – сказала я, закуривая. – Милицию вам все-таки вызвать придется. Поскольку в мои планы перетаскивание и прятание трупов не входит.

– Нет! – завопила Люся отчаянно. – Я...

Она осеклась и, опустив глаза, уже совсем тихо проговорила:

– Без милиции нельзя обойтись?

– Нет, – безжалостно отрезала я. – Вы и так уже три часа утаиваете у себя труп по совершенно непонятным мне причинам. Может быть, он так дорог вашему сердцу, я, право, не знаю. Но факт убийства налицо. И с каждым часом у меня лично возникают все более уверенные подозрения, что этого парня грохнули именно вы. Так как мое мышление, увы, стандартно, я не думаю, что у ментов не появятся такие же подозрения. А вот если вы сами сообщите, возможно, они будут послабее.

– Я не могу, – простонала Люся. – Как вы не понимаете?

– Пусть Нещадов вызовет. Но, вы уж меня простите, я ничего с этим трупом поделывать не могу.

Я затушила сигарету и осмотрелась в поисках телефона. Вот и он – странно выделяющийся на общем фоне бедности навороченный и нахальный аппарат. «Панасоник», между прочим.

– Можно от вас позвонить? – спросила я.

– Можно, – кивнула Люся.

«Только не в милицию», – умолял ее взгляд. Что она натворила такого, что теперь боялась обратиться туда? Конечно, они запросто могли повесить на нее это убийство, но я-то тут и, в конце концов, вместе с Лариковым смогу попытаться найти истинного убийцу!

Хотя, если честно, ситуация, в которой оказались хозяева, препакостная! Не хотела бы я оказаться на их месте...

Я набрала номер Ларикова.

Он поднял трубку сразу.

– Сашка, где тебя черти носят? – недовольно зарычал он, услышав мой голос.

– У меня тут возникла проблема. Наверное, нужна будет твоя помощь. Ты от Мещерского освободился?

– Да, по счастью. Как он меня утомил, если б ты знала!

– Сочувствую, – хмыкнула я. – Сможешь подъехать?

Продиктовала адрес.

– А что случилось?

– Труп в ванной комнате, Андрей, – вздохнула я. – И без твоей помощи мне не обойтись.

Он некоторое время озадаченно молчал, потом протянул:

– Ты это серьезно? Насчет трупа?

– Куда как, – развела я руками. – Серьезнее может быть только сам труп, но вот он-то как раз насмешливо улыбается. По этой причине могу совершенно спокойно заверить тебя в том, что я намного серьезнее его...

– Еду, – бросил в трубку Лариков.

Разговор был закончен.

Я посмотрела на хозяйку квартиры и попросила:

– Люся, давайте расскажите, как вы его нашли? И знаете ли вы, кто этот человек?

* * *

Мой вопрос можно было сравнить с выстрелом. Люся морщила лоб и тарасилась на меня такими беспомощно-умоляющими глазами, что только святая уверенность в том, что

моя «жестокость» оправдана и более того – необходима, помешала мне тут же в ответ на ее безмолвные мольбы снять сей бестактнейший вопрос с повестки дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.